

UNITED WISDOM

Перенниализм: аргументы за общую основу и возражения

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-29-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Перенниализм: аргументы за общую основу и возражения

Эпиграф

> *«Тому, что едино, мудрецы дают много имён».*

«Ригведа», 1.164.46; собственный перевод короткой строки по английскому переводу Ральфа Т. Х. Гриффита. Текст гимна.

В гимне названы ведийские божества. Эта строка открывает вопрос о единстве, но сама по себе не сообщает, что все будущие религии обладают одинаковым учением.

О чём эта статья

В разных книгах можно встретить похожие призывы: ослабить власть собственного эго, внимательнее относиться к другому, не принимать привычную картину мира за последнюю истину. Из этого сходства возникает привлекательная мысль: за религиозными различиями скрывается одна основа. Перенниализм превращает такую мысль в философскую позицию. Но что именно считается общим — переживание, учение о реальности, нравственная практика или слова, которые мы выбрали для сравнения? Ответ меняет весь разговор. Статья разбирает сильную сторону поиска единства и его уязвимость: возможность узнать другого и возможность незаметно переписать его на собственном языке. Мы проследим путь от узнавания знакомой интонации до утверждения об общем основании, проверим несколько конкретных сопоставлений и вернёмся к повседневному вопросу: как разговаривать с человеком иной веры, сохраняя близость без требования согласиться в самом существенном.

I. Единство начинается с выбора того, что сравнивать

Перенниализм утверждает больше, чем существование похожих нравственных советов. В своей сильной форме он предполагает общее глубинное учение, по-разному выраженное в религиозных традициях. Поэтому первым делом нужно уточнить масштаб тезиса. «У нас есть сходные практики внимания» и «мы знаем одну и ту же высшую реальность» — разные утверждения, даже если они стоят рядом в одном разговоре.

Представим условную встречу трёх людей. Один говорит, что в молитве перестал ощущать себя центром происходящего. Другой описывает медитацию, в которой ослабло цепляние за мысль о себе. Третий вспоминает несколько минут перед картиной, когда

исчез привычный внутренний комментарий. Все узнают что-то в рассказах друг друга. Это важный момент человеческого контакта. Однако из него пока неизвестно, одинаковы ли переживания, чем они вызваны и какое значение получили после возвращения к обычной жизни.

Сходство можно искать на нескольких уровнях. На уровне языка это общие слова: тишина, глубина, целое. На уровне опыта — сходные сообщаемые особенности. На уровне практики — повторяемые действия. На уровне учения — утверждения о Боге, человеке и освобождении. На уровне этики — способы обращаться с собой и другими. Совпадение одного уровня не переносится автоматически на остальные. Два человека могут действовать похоже по совершенно разным причинам.

Именно поэтому хороший сравнительный вопрос звучит достаточно узко: что здесь действительно совпадает и что мы пока только предполагаем? Узость не обедняет разговор. Она позволяет ему продолжаться после первой красивой формулы. Если общность обнаруживается в добровольном ограничении собственной власти, её можно обсуждать без предварительного решения спора о природе абсолютного. Если речь идёт об абсолютном, понадобится уже иной довод.

Так возникает первая дисциплина единства: назвать предмет сравнения до вывода о нём. Без этого слово «одно» способно обозначать попеременно общую ценность, одинаковое чувство и единое устройство мира. Убедительность тогда создаётся движением между значениями, хотя читателю кажется, что проверяется одна мысль.

II. Сильная интуиция Хаксли

У Олдоса Хаксли вечная философия связывает метафизику, понимание человека и направление жизни. В введении к The Perennial Philosophy он говорит о божественной реальности как основании многообразного мира и о возможности знания этого основания. Это авторская программа сопоставления, а не нейтральный отчёт о согласии всех религий.

Её сила понятна. Читатель оказывается перед множеством различающихся обрядов, запретов и образов. Хаксли предлагает искать существенное глубже внешних форм. Такой поиск способен ослабить уверенность, что чужая традиция целиком состоит из суеверий, а собственная — из очевидностей. Он приглашает читать непривычные тексты как обращение к серьёзной человеческой возможности, а не как музейную странность.

В условном примере человек вырос в среде, где религию соседей описывали одним насмешливым предложением. Потом он читает их молитвенный текст и замечает знакомую просьбу: жить внимательнее, меньше причинять вреда, перестать считать себя самодостаточным. Произошло реальное изменение отношения. Для него не требовалось

доказать, что предметы веры совпадают. Достаточно было узнать серьёзность чужого обращения.

Однако программа Хаксли содержит собственный критерий существенного. Если глубинным заранее объявлено созерцательное знание единой реальности, то наиболее убедительными станут тексты, которые удобно читать именно так. Обычная религиозная жизнь с её памятью, общинной ответственностью и конкретной историей может показаться оболочкой. Но для её участников это часто не случайное украшение истины, а способ быть верными тому, во что они верят.

Читатель поэтому может принять приглашение Хаксли, не принимая заранее весь его ответ. Уважение к глубине другого — самостоятельный результат. Общая метафизика — отдельная гипотеза. Если смешать их, критика общего основания начнёт выглядеть как отказ в уважении, а принятие уважения — как согласие с философией. Между тем знакомство с иной традицией может расширить нашу восприимчивость и одновременно показать, насколько существенно она отличается. Такая встреча иногда ценнее гладкой схемы, в которой чужому уже отведено заранее приготовленное место.

III. Один опыт или несколько способов его понять

Общий язык переживания ещё не даёт прямого доступа к переживанию другого человека. Мы узнаём его через рассказ, жест, практику и последующие поступки. Это не повод перестать слушать. Это причина не подменять слушание готовым объяснением того, что собеседник на самом деле пережил.

В «Многообразии религиозного опыта», в лекциях о мистицизме, Уильям Джеймс выделяет сообщаемые признаки мистических состояний и отдельно рассматривает их авторитет. Его ход полезен самим разделением: описание состояния и право выводить из него обязательную для всех истину обсуждаются последовательно. Человек может быть глубоко убеждён своим опытом; у слушателя остаётся собственная работа понимания.

Условная сцена: после тяжёлого разговора два друга сидят молча. Один воспринимает тишину как присутствие Бога. Другой — как редкую возможность не защищаться. Совпали обстоятельства, возможно, некоторые чувства, и уважение друг к другу. Но если первый объявит второго скрытым верующим, он выйдет за пределы рассказа. Если второй сведёт молитвенное переживание первого к психологической разгрузке, он сделает симметричную подмену. Оба могут исследовать совпадение, не назначая за другого окончательный смысл.

Это различение касается и собственного опыта. Сначала можно описать, что изменилось: исчезли слова, замедлилось ощущение времени, уменьшилось напряжение, возникло чувство связи. Затем — назвать интерпретацию. Наконец — спросить, какие

выводы из неё следуют. Переходы здесь допустимы, но не незаметны. Рассказ о пережитой близости не равен доказательству, что отдельность людей вообще иллюзорна.

В обратную сторону тоже нельзя идти слишком быстро. Разные объяснения не доказывают, что у людей нет ничего общего в опыте. Возможно частичное сходство, которое ещё плохо выражено. Для разговора полезнее удерживать несколько возможностей, чем выбирать между полным тождеством и полной непроницаемостью. Чужой опыт не обязан быть копией нашего, чтобы оказаться значимым. Мы способны узнавать в нём структуру вопроса, не присваивая себе его ответ.

IV. Слова способны показывать и создавать различия

Рассказ об опыте происходит внутри языка и воспитания. Поэтому нельзя считать его прозрачной упаковкой неизменного содержания. Но нельзя и предполагать, что культура производит человека без остатка, оставляя ему только повторять готовые значения.

В обзоре философии мистицизма Джером Геллман различает перенниализм, утверждения об общей структуре опыта и конструктивистские позиции. Это полезная карта спора: вопрос о сходстве учений не совпадает с вопросом о том, насколько ожидания участвуют в самом переживании. Мы используем карту, не делая из неё приговор конкретному человеку.

Если читатель заранее знает, что в глубокой практике должен исчезнуть субъект, он может обращать особое внимание на моменты, которые подходят под это описание. Если ему обещали личную встречу, он будет искать иной рисунок. Однако влияние ожидания не означает автоматически выдумку. Язык способен помогать замечать то, что без него оставалось неразличимым. Музыкант слышит в произведении больше, чем неподготовленный слушатель; отсюда не следует, что услышанное полностью создано его терминологией.

В повседневном сравнении полезно спросить, какие слова человек использует до опыта и после него. Поменялась ли его картина? Стала ли гибче? Возникло ли что-то, для чего прежних понятий не хватало? Такие вопросы открывают возможность изменения и не сводят человека к носителю собственной культуры. В то же время они мешают принимать любое знакомое слово за прямое указание на знакомое состояние.

Перенниалист может ответить: язык разный, глубина одна. Критик спросит: по каким признакам вы отличаете общую глубину от одинаково отобранных рассказов? Это сильное возражение, поскольку касается способа проверки. Если совпадения считаются доказательством, а различия заранее объявляются поверхностью, тезис оказывается защищён от любого встречного материала. Чтобы поиск оставался исследованием,

различие должно иметь возможность повлиять на вывод. Иначе чужую речь можно включить в схему при любых условиях, даже когда она решительно возражает против такого включения.

V. Когда священные тексты не дают склеить ответы

Различия учений иногда касаются самого центра, а не внешнего обряда. Их нельзя убрать общим переводом на слова «любовь», «свет» или «источник». Именно конкретный текст показывает, сколько теряется при таком переводе.

В «Ригведе» 1.164.46 перечисление божественных имён соседствует с высказыванием об одном. В Евангелии от Иоанна 14:6 путь к Отцу связан с конкретной фигурой Христа. В «Удане» 8.3, в переводе Тханиссаро Бхиккху, необусловленное обсуждается как возможность выхода из обусловленного. Эти места дают материал для сопоставления, но не сообщают одинакового учения о личном Боге, человеке и освобождении.

Можно заметить общее движение: обычное состояние не исчерпывает последней возможности человека. Но даже эта формула остаётся нашей сравнительной формулировкой. Она достаточно широка, чтобы обнаружить родство вопроса, и слишком широка, чтобы заменить ответ каждой традиции. Участник одной из них вправе сказать, что для него решающее заключено именно в том, что формула пропустила.

Представим, что два друга обсуждают доверие. Для одного доверять означает отвечать на обращение личного Бога. Для другого — отпускать привязанность к постоянному образу себя. В обоих случаях может уменьшаться самозамкнутость. Однако исчезновение различий превратило бы их разговор в утверждение, с которым хотя бы один не согласен. Уважение здесь проверяется готовностью услышать это несогласие, а не успехом общей формулы.

Сложность усиливается внутри каждой традиции: один фрагмент не представляет все школы и способы чтения. Поэтому корректное сопоставление называет место и предел. Оно может сказать: в этих текстах виден такой ход. Оно не обязано немедленно сообщить, что индуизм, христианство и буддизм в целом говорят это же. Точность масштаба оставляет место дальнейшему чтению. Она также предотвращает странную ситуацию, в которой человек с поверхностным знакомством объясняет практикующему, какие части его веры являются настоящими, а какие — исторической оболочкой.

VI. Отбор цитат способен незаметно стать доказательством

Любая антология создаёт видимый ряд из гораздо более широкого материала. Это необходимая редакционная работа. Проблема начинается, когда устройство ряда принимают за независимое подтверждение идеи, по которой этот ряд был собран.

Допустим, мы хотим доказать, что люди разных эпох всегда ценили молчание. Мы найдём десятки высказываний о тишине. Но рядом могут существовать обязанности свидетельствовать, спорить, проповедовать, передавать устное учение. Если они не попали в подборку, читатель видит убедительное единство без его условий. Ошибка находится не в каждой отдельной цитате, а в отношении выборки к целому.

Для перенниализма это особенно существенный риск. Самыми удобными оказываются тексты, допускающие общий созерцательный язык. Различающие формулировки выглядят менее глубокими, потому что мешают сравнению. Затем их отсутствие начинает подтверждать, что различия всегда вторичны. Получается круг: важным признали то, что сходится, а сходящееся признали истинным, потому что оно важно.

Разорвать круг можно практической работой. Для каждой найденной параллели искать место, где выбранный автор вводит границу. Кто адресат высказывания? Какой вопрос он решает? Что должно произойти до описываемого состояния? Каких выводов сам текст не разрешает? Эта работа может ослабить эффектную подборку и усилить доверие к ней. Читатель начинает видеть, почему сравнение возможно и почему оно не безгранично.

Здесь нет требования прочитать все религиозные корпуса до первого разговора. Есть более посильная обязанность: не преувеличивать охват сделанного. Три тщательно прочитанных места могут дать содержательное сопоставление. Они не превращаются в перепись всех духовных традиций. Скромное обозначение охвата помогает и следующему читателю: он может проверить маршрут и предложить встречный текст. Так карта единства становится открытой рабочей картой, а не коллекцией высказываний, которые заранее лишены права спорить между собой.

VII. Общая этика не требует общей космологии

Люди могут сотрудничать, не разделяя последнюю картину реальности. Это не слабая замена настоящему единству. Для повседневной жизни такой уровень согласия часто имеет самостоятельную ценность и собственные требования.

В условном примере соседи организуют помощь человеку, который временно не может выходить из дома. Один действует из религиозной обязанности, другой из дружбы, третий из понимания взаимной зависимости. Они согласуют время, потребности и границы. Их метафизические объяснения остаются разными, а работа — общей. Из успеха не следует одинаковая вера. Но из различия веры также не следует невозможность согласованного действия.

Перенниалистская интуиция помогает заметить, что чужой мотив может быть нравственно серьёзным. Она становится менее полезной, если требует объяснить этот мотив через одно основание, которое сам человек не признаёт. Союз тогда приобретает

скрытое условие: мы сотрудничаем потому, что вы на глубине согласны со мной. Это условие не нужно, если общий проект достаточно определён и доброволен.

Вопрос усложняется, когда похожие слова скрывают разное действие. «Забота» может означать уважение к отказу, а может — настойчивое вмешательство. «Смирение» может ограничивать собственную власть, а может предъявляться зависимому человеку как требование терпеть. Поэтому общность ценностей приходится проверять по тому, что участники готовы делать и чего делать не готовы. Самого словаря недостаточно.

Полезная общая площадка содержит конкретные договорённости: чьё согласие требуется, кто отвечает за последствия, когда допустимо остановиться, как будет исправлена ошибка. Здесь различия не исчезают. Они становятся видимыми до того, как превратятся в скрытый конфликт. Общая этика может вырасти из разных оснований и оставаться предметом пересмотра. Для неё не обязательно обещать окончательное снятие всех противоречий. Достаточно научиться действовать вместе там, где есть действительное согласие, и честно признавать предел там, где его нет.

VIII. Единство иногда становится правом говорить за другого

Тезис о глубинной общности может поддерживать открытость, но может и распределять власть. Если один участник решает, какие убеждения другого поверхностны, он занимает привилегированную позицию переводчика чужой истины. Это происходит даже при доброжелательном намерении.

Представим условный спор. Человек говорит: «Для моей веры эта история не символ, а существенное событие». Собеседник отвечает: «Ты просто ещё держишься за форму; на глубине мы говорим об одном». После этой реплики спор уже не может быть равным. Любое возражение превращается в признак недостаточной глубины возражающего. Согласие считается зрелостью, несогласие — задержкой развития. Проверки самого тезиса больше не происходит.

Сходная ситуация возможна между религиозным и нерелигиозным человеком. Первого объявляют обладателем бессознательной психологической техники. Второго — мистиком, который пока не знает своего настоящего имени. В обоих случаях объяснение может оказаться интересной внешней гипотезой. Но оно не становится самоописанием человека без его участия. Назвать чужой опыт иначе — ещё не значит понять его точнее.

От такого присвоения защищает не запрет интерпретации, а её проверяемый статус. Можно сказать: мне кажется, здесь есть сходство, вот его признаки. Можно спросить, принимает ли собеседник такое сопоставление. Можно сохранить несогласие в итоговой карте. Тогда интерпретация остаётся предложением, а не удостоверением чужой скрытой сущности.

Эта граница особенно полезна там, где разговор о духовном соединяется с авторитетом наставника, группы или платной программы. Чем труднее участнику возразить, тем важнее не превращать обещание единства в требование лояльности. Глубина не доказывается невозможностью сомневаться. Общность, выдерживающая отказ от готовой формулы, даёт больше оснований для доверия, чем общность, в которой несогласие заранее объяснили недостатком самого несогласного.

IX. Что могло бы изменить нашу уверенность

Серьёзный тезис допускает уточнение под влиянием встречного материала. Это касается и поиска общего основания. Если мы не можем назвать наблюдение, которое хотя бы изменило бы границы утверждения, перед нами скорее исповедание позиции, чем исследовательский вывод.

Для начала полезно сформулировать несколько вариантов. У людей могут быть частично сходные переживания при разных учениях. Традиции могут независимо вырабатывать похожие нравственные практики. Общие формулы могут распространяться через исторические контакты. Некоторые совпадения могут возникать благодаря нашему переводу. Наконец, может существовать более глубокая общность, для которой эти варианты недостаточны. Возможности не исключают друг друга во всех случаях, но требуют разных свидетельств.

Условный читатель обнаружил пять текстов об исчезновении самозамкнутости. Вместо вывода о единой религии он спрашивает, как каждый автор описывает возвращение к повседневности. Один связывает его с верностью общине, другой — с освобождением от привязанности, третий — с новым отношением к творчеству. Сходство первой фазы сохранилось, а весь путь оказался различным. Карта стала сложнее. Это изменение и есть результат исследования, а не его провал.

Сильная идея часто выигрывает от сужения. Вместо «все религии учат одному» можно сказать: эти тексты дают основания сопоставить способы ослабления эгоцентризма. Вместо «мистический опыт доказывает общую реальность» — сообщаемые свойства некоторых состояний делают такой вопрос разумным, но не решённым. Новые формулировки менее эффектны и гораздо лучше пригодны для продолжения.

Личная убеждённость при этом может оставаться шире публичного доказательства. Человек вправе верить в общую основу, не объявляя каждого несогласного неполноценным исследователем. Он может объяснить, почему эта вера направляет его жизнь, и признать, где заканчивается доступная проверка. Различие между убеждением и доказанным охватом делает разговор честнее. Оно оставляет место сильной надежде, не превращая надежду в чужую обязанность.

X. Несогласие может углубить близость

Встреча становится содержательной, когда участники узнают не только сходство, но и цену различия. Чужая приверженность перестаёт быть странной подробностью, если становится понятно, что именно человек боится потерять при слишком удобном переводе. Иногда это память семьи, иногда — представление об ответственности, иногда — возможность доверять тому, что не сводится к собственным желаниям.

В условной сцене два собеседника обсуждают прощение. Один хочет сохранить возможность нового начала, другой — не отменить ответственность за сделанное. Им легко объявить, что оба за добро. Гораздо труднее разобраться, когда новое начало превращается в требование забыть вред, а ответственность — в бессрочное удержание человека в прежней ошибке. Такое обсуждение не нуждается в заранее доказанной единой основе. Оно нуждается в способности каждого позволить другому сделать свой вопрос точнее.

Здесь единство можно понимать как качество отношения. Участники не обязаны получить один ответ, чтобы оставаться в совместном исследовании. Они могут разделить внимание к проблеме, признать последствия разных решений и назвать остаток несогласия. Это более определённая связь, чем декларация, что всё в конечном счёте совпадает. В ней есть то, что действительно сделано: услышан довод, сохранена граница, изменено собственное упрощение.

Но и такое понимание не следует выдавать за содержание всех духовных учений. Это практический вывод данной статьи: в разговоре общность может состоять в способе обращения с различием. Кто-то примет его, кто-то предпочтёт более строгую религиозную рамку. Признание этой возможности завершает проверку самой позиции. Мы не можем защищать свободу чужого самоописания и одновременно требовать, чтобы человек обязательно согласился с нашим идеалом диалога.

В результате привлекательность перенниализма сохраняется без его превращения в обязательную надстройку над чужими убеждениями. Он помогает начинать поиск, замечать родство и задавать непривычные вопросы. Встречные тексты помогают удерживать сложность. Внимание к человеку помогает понять, где красивая карта действительно облегчает ориентирование, а где начинает заслонять живую местность. Различие тогда не становится врагом единства: оно показывает, какую связь мы сумели создать и какую пока только надеемся найти.

Что это значит на практике

Выберите одну параллель, которая кажется вам особенно убедительной: например, отказ от самозамкнутости в двух знакомых традициях. Запишите рядом два конкретных места, а не только имена авторов. Затем опишите сходство одним предложением так, чтобы участник каждой традиции мог узнать собственную сторону. Если для этого пришлось убрать решающие слова, отметьте, что сравнение уже стало шире исходных текстов.

После этого добавьте различие. Уточните предмет веры, цель практики, роль общины или понимание человека — ту сторону, которую действительно затрагивают прочитанные места. Не заполняйте её догадкой о целом учении. Недостающее можно оставить вопросом для дальнейшего чтения. Хорошая карта умеет содержать пустое место. Она становится ненадёжной, когда каждое такое место требуется немедленно закрыть общей формулой.

В разговоре с другим человеком предложите параллель как возможность. Полезна фраза: «В этом я узнаю близкий вопрос, но не уверен, что одинаково понимаю ваш ответ». Она оставляет пространство и для сближения, и для поправки. Если человек возражает, попробуйте сохранить его возражение в итоговом описании, а не объяснить его недостатком глубины. Так можно проверить качество собственной открытости без требования отказаться от своей веры.

Отдельно назовите общее действие, если оно есть. Читать вместе, помогать соседу, соблюдать договорённость, уважать отказ — это конкретные формы связи. Их не требуется снабжать доказательством единой космологии. Если же общего действия пока нет, разговор всё равно может быть ценным: вы узнали, какой вопрос для другого существенен и почему привычный перевод его искажает.

В конце вернитесь к исходной интуиции. Она могла стать точнее, слабее или глубже. Любой из этих результатов допустим. Перенниализм полезен как приглашение искать связи, пока он сохраняет право встречного текста и встречного человека изменить карту. Тогда единство перестаёт быть фразой, которая завершает знакомство, и становится способом знакомство продолжать.

Ключевая цитата

> *«Из них не исходит авторитет, который обязывал бы стоящих вне них принимать их откровения некритически».*

Уильям Джеймс, «Многообразие религиозного опыта», лекции XVI–XVII, итог о мистических состояниях, пункт 2, печатная страница 422–423; собственный перевод по английскому тексту 1902 года.

Джеймс обсуждает различие личной убедительности состояния и его обязательности для другого. Здесь цитата удерживает эту границу, а не опровергает ценность мистического опыта.

Связи между традициями

Сопоставление	Что позволяет сблизить	Где проходит граница
«Ригведа» 1.164.46 ↔ программа Хаксли	Многообразие выражений становится поводом спросить об единстве.	Ведийский гимн не формулирует теорию всех мировых религий; Хаксли предлагает собственную сравнительную метафизику.
Хаксли ↔ Джеймс	Оба придают серьёзное значение преобразованию опыта.	Хаксли утверждает общую основу; Джеймс отдельно ограничивает авторитет мистического состояния для постороннего.
Иоанн 14:6 ↔ «Удана» 8.3	Обычное положение человека не описывается как последняя возможность.	Путь к Отцу через Христа и выход из обусловленного нельзя считать взаимозаменяемыми учениями.
Джеймс ↔ конструктивистский вопрос	Рассказ и значение опыта требуют разбора.	Учитывать культурное влияние не значит автоматически признать всякий опыт полностью созданным культурой.
Ведийская множественность имён ↔ современный межрелигиозный разговор	Разные названия не обязательно мешают внимательному сопоставлению.	Право на сопоставление не даёт права назначать человеку скрытое согласие с нашим объяснением.

Первоисточники и исследования

1. «Ригведа», гимн 1.164, перевод Ralph T. H. Griffith, 1896. Прочитан гимн и контекст строфы 46; источник эпиграфа и пример пределов переноса ведийской формулы.

2. Aldous Huxley, Introduction to The Perennial Philosophy, в Complete Essays, vol. V, редакторы Robert S. Baker и James Sexton, 2002; PDF, страницы 27–31. Прочитано введение, не вся книга; источник авторской программы перенниализма.

3. William James, The Varieties of Religious Experience, 1902, лекции XVI–XVII. Прочитаны фрагменты о признаках и авторитете мистических состояний; источник различения опыта и обязательности его истолкования.

4. Евангелие от Иоанна 14:6, King James Version. Прочитан стих; конкретный контрпример замене религиозного содержания общей формулой.

5. «Удана» 8.3, перевод Ṭhānissaro Bhikkhu и примечания. Прочитан полный короткий текст; необусловленное не используется как эквивалент христианского Бога.

6. Jerome Gellman, Mysticism, Stanford Encyclopedia of Philosophy, разделы 6–8. Прочитаны разделы спора; академическая карта различений, не первичное свидетельство переживаний.

Теги

Перенниализм, вечная философия, Хаксли, Джеймс, мистицизм, религиозный опыт, общее основание, единство, различие, интерпретация, язык, контекст, конструктивизм, эссенциализм, Ригведа, Удана, христианство, буддизм, сравнительная философия, метафизика, этика, межрелигиозный диалог, авторитет, антология, согласие, свобода убеждения, свидетельство, границы сравнения.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.